

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ И РОЛЬ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ

19.05.2011, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск

В работе круглого стола участвовали:

Сапунов Михаил Борисович, главный редактор журнала «Высшее образование в России»;

Мариносян Хачатур Эмильевич, главный редактор журнала «Философские науки»;

Ромм Марк Валерьевич, декан гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета;

Донских Олег Альбертович, главный редактор журнала «Идеи и идеалы»;

Антипов Георгий Александрович, доктор философских наук, профессор;

Вальдман Игорь Александрович, кандидат философских наук, доцент;

Немцев Михаил Юрьевич, кандидат философских наук;

Рубанцова Тамара Антоновна, доктор философских наук, профессор;

Крюков Виктор Васильевич, доктор философских наук, профессор;

Зиневич Ольга Владимировна, доктор философских наук.

Ведущий – М.В. Ромм.

Р. У нас сегодня запланировано культурное, но интересное мероприятие, мы реализуем проект двух высших учебных заведений: факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета и нашего уважаемого вуза-партнера – Новосибирского государственного университета экономики и управления. Со стороны НГТУ в роли организатора выступает ваш покорный слуга, профессор Ромм Марк Валерьевич. Со стороны НГУЭУ – профессор Донских Олег Альбертович. На встречу мы пригласили наших московских гостей: Сапунова Михаила Борисовича, главного редактора журнала «Высшее образование в России», и Мариносяна Хачатура Эмильевича – президента академии гуманитарных исследований и шеф-редактора замечательного журнала «Философские науки». Давайте начнем.

Донских. Тема, которую мы определили, действительно очень важная и очень

больная. Я должен сказать, что даже наше сотрудничество с журналом «Высшее образование в России» началось с того, что я написал замечания по поводу гуманитарной составляющей образования. Эта тема близка к той, которую мы сегодня будем обсуждать на круглом столе. И я считаю, что в той ситуации, которая сейчас сложилась у нас в образовании в связи с проводимыми реформами, нам нужно выработать какие-то разумные позиции. Когда мы поодиночке – это примерно то же, что окопы ячеистые, когда война начиналась, и считалось, что так лучше защищаться.

Р. Потом оказалось, что лучше копать траншеи.

Д. А потом оказалось, что это настолько страшно, что начали все-таки как-то объединяться. Я считаю, что это как раз вариант возможного объединения хорошего, и поэтому, повторяю, очень благодарен коллегам за участие.

Сапунов. В свою очередь я хочу поблагодарить Олега Альбертовича и Марка Валерьевича за приглашение посетить ваш славный город и не менее замечательные университеты. Как раз появился повод, довольно забавный. Наш Президент как бы дал нам повод поговорить на нашу вечную тему о месте гуманитарного образования в российской традиции подготовки инженеров, и за это ему хвала. Но не за решения, конечно, которые могут последовать. Я хочу сказать, что перед отъездом я обратился к коллегам из МАТИ и МГТУ им. Баумана. Они, оказывается, уже провели 10 конференций на тему «Место преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе». И уже выпустили 10 томов. Я думаю, что сейчас не актуально обсуждать эту тему: все, что можно было сказать, было сказано еще в 2001 году. Кстати, Иван Сергеевич Болотин, заведующий кафедрой социологии управления МАТИ, был у истоков ГОСов первого и второго поколения, где была предложена разная трактовка места СГЭ в структуре образовательной программы вуза. Между тем у нас уже и третьи ГОСы появились. Будь у меня аспирант, я бы посоветовал ему написать диссертацию о социокультурной эволюции данной темы. И она вполне могла бы пройти по социологии образования.

Р. И по философии образования.

Д. И по социологии управления.

С. Да. Интереснейшая тема. Ну вот, это вам подарок – 10 упомянутых томов. Кроме того, в журнале «Высшее образование в России» мы сделали подборку статей по теме «Гуманитарное образование в техническом вузе». Это более 15 публикаций, включая и ваши статьи, – довольно солидное произведение. Они размещены на нашем сайте. Вряд ли стоит агитировать за

то, что любой инженер должен быть прежде всего гуманитарием – в общем смысле... Для меня здесь важно, что любое знание должно лежать на каком-то фундаменте, и таким фундаментом является личность... Когда говорят «фундаментальности образования», имеют в виду не знание как таковое, а, скорее, понимание этого знания, а понимание – это уже характеристика бытийственная, онтологическая. Ясно, что это сугубо философский сюжет: любое знание, в том числе и инженерное, основывается на некоем бытийном фундаменте. А этот фундамент, конечно, формируется гуманитарной средой, в том числе гуманитарным образованием. В связи с этим как я мыслю место нашего журнала в образовательном пространстве? Надо сказать, что когда мы в 2004 году переходили на 12 номеров, это было для нас шоковой ситуацией, и мы провели круглый стол на эту тему. А потом, когда в 2007 году мы праздновали 15 лет, мы провели еще один круглый стол на тему «Научные журналы в образовательном поле» и опубликовали его в двух номерах журнала в 2007 году. И вот теперь, в преддверии нашего 20-летнего юбилея, первым мероприятием, которое мы проводим, является вот этот наш круглый стол.

Имеется в виду очень простая, в общем-то, вещь: знание не принадлежит тому, кто его придумал. Оно исходно принадлежит всем и существует между нами. Оно и производится, и потребляется, и обменивается в каком-то сообществе, то есть в некоем коммуникативно-деятельностном универсуме. И в этом универсуме общения место журнала очень важное. Здесь знание не просто распространяется – оно здесь впервые производится. Скажем, публикуется статья, но она становится научным дости-

жением только после того, как принимается сообществом, то есть понимается.

Крюков. Беда в том, что не читают статьи.

С. А вот это уже другая проблема. Как нам сделать, чтобы читали? Журнал не потому ВАКовский, что он есть в соответствующем списке, а он потому ВАКовский, что имеет импакт-фактор, а это означает, что его читают, его цитируют. В связи с этим идеологией журнала являются не взаимоотношения с автором, а взаимоотношения с читателем. Мы работаем не для автора, мы работаем для читателя. Автор является здесь средством для организации общения. Это очень принципиально, из этого очень многое следует. Когда я получаю письма, что, дескать, я вам написал статью, когда она выйдет и сколько это стоит, я понимаю, что этот человек мыслит свою деятельность вне того универсума, в котором мы работаем, и этого человека публиковать не буду, потому что он работает не на читателя, а на себя. И тогда пусть несет статью в аспирантский сборник или в издание, в котором собирают их за энное количество денежных знаков под одной обложкой без рубрикации. Мы с вами знаем кучу таких журналов и таких авторов. Это люди, которые пишут для ВАКа. А наши авторы пишут для того, чтобы их читали. Во всяком случае, публикуем мы их только после того, как статья приобретает вид читабельный, то есть она должна быть научной.

Антипов. Научная или читабельная?

С. Научно-читабельная. Читабельная, потому что журнал у нас научный. Дело в том, что конечно мы можем разбавлять содержание журнала публицистикой, и мы это дело приветствуем, но все-таки это научный журнал, значит, научный стиль должен сохраняться. Но здесь другое: оказывается,

у нас народ, вообще говоря, не понимает, что такое научно писать и научно мыслить. И значит, в этом тоже должен участвовать журнал. Вот сейчас начались какие-то движения в этом направлении, в магистратуре вводятся любопытные программы, например «академическое письмо». Раньше, помнится, были курсы по методологии науки.

А. Методология научного творчества?

С. Да. Я сам читал для аспирантов курсы по философии науки. В целом он был выполнен в сугубо схоластически-спекулятивном стиле: вот есть позитивисты, есть неопозитивисты, позитивисты так-то трактуют структуру теории, а вот эти – так-то. Есть Кун, а есть Фейерабенд, вот так они истину трактовали и т. д. Нужно такое знание аспиранту? Нет. Ему нужно знать, что значит сконструировать объективный предмет, то есть ответить на исходный вопрос научной работы. Каким образом сконструировать объект, то есть предмет своего размышления, чтобы он проявил себя как самостоятельная сущность, обладающая объективными свойствами? Как создать материю? То есть решить проблему Бога: создать такой камень, который он не смог бы поднять.

Р. И подарил бы поднимать его другим.

С. Да, кинул бы в общение. Как объективировать свой опыт?

А. А задайте массу.

С. Правильно, можно массу задать, то есть предложить некую процедуру, и вот этому нужно учить. Особенно это трудно делать в социологии или в педагогике. Наверное, потому, что социальная реальность – это все-таки деятельность, и как ее объективировать, вообще пока никто не придумал. Маркс говорил о том, что наука есть размышление о действительности в

форме объекта. А здесь мы имеем деятельность. Как в форме объекта смотреть на деятельность? Ответа пока нет. Есть попытки, например, Щедровицкого, который пытался изобрести деятельностный подход. И многие другие. Но пока ничего не получается.

Р. Пытались.

С. Нам надо посмотреть на деятельность как на совокупность «вещей», которые как-то действуют независимо от нас и проявляют какие-то свойства. Это главная проблема социологии, и у нас есть разные социологии. А педагогика? Если уж речь идет о научно-педагогическом журнале, то у меня все тексты должны быть, с одной стороны, научные, а с другой – все-таки гуманитарные. Что такое научность в гуманитарной области, мы как-то мало себе представляем. Что такое научно-гуманитарный текст – не вполне ясно. Во всяком случае, какие-то общие методологические критерии научности надо соблюдать. Например, нельзя нарушать законы логики.

А. Во-первых, я не брала твой горшок, во-вторых, не разбивала, а в-третьих, отдала его целым.

С. Да, просто потому, что если вы утверждаете что-то и одновременно это отрицаете, это означает, что у вас просто нет объекта размышления, вы его не сконструировали. Кстати говоря, мы опять возвращаемся к классике: для Гегеля это было вообще тривиально.

Вот еще одна позиция, которую мы, может быть, не всегда имеем в виду, когда говорим о месте гуманитарной кафедры в любом вузе. Преподавательская деятельность, в отличие от научной, имеет какой-то особый характер – и вот в каком смысле: ученый работает в естественной установке, в предположении, что дана некая

материя, и он изучает ее свойства. Философ, конечно, скажет, что он эту материю изобрел сам, но когда ученый работает, он должен быть уверен, что Земля существовала до человека. Если он будет сомневаться, он и шага не сделает. А вот преподавательская деятельность такова, что преподаватель должен постоянно рефлексировать по поводу смысла своей работы. Он входит в аудиторию не потому, что ему нужно денег заработать, а за тем, чтобы реализовать какой-то смысл, который находится в самой этой деятельности. Если в его деятельности нет смысла, то, простите, это уже не педагог. А смыслы – это те самые абсолютные ценности. Поэтому я более чем уверен, что гуманитарные кафедры нужны в технических вузах именно в качестве держателей языка об этих смыслах. Любой технар, любой математик в вузе – преподаватель прежде всего, и он иногда задумывается о смысле своей деятельности в качестве преподавателя. А поставляет ему язык осмысления философ. Поэтому философ должен быть рядышком с ним, и поэтому нужны такие университетские методологические семинары, когда рядом сидят математик, химик и философ и разговаривают на языке философии. Как говорит Мамардашвили, по учебнику нельзя изучать философию, надо с философом говорить. Гуманитарная кафедра нужна в техническом вузе для самоорганизации преподавательского сообщества. И вот в этом плане, когда мы отстаиваем свои права на житие в технократической среде, мы должны думать не только о том, что специалист без гуманитарного образования ничто. Мы должны – министру не скажешь, а вот, предположим, какому-нибудь ректору, который нас не любит, – сказать, что без гуманитарной среды не будет среды преподавательской. О чем

будут говорить физики? Они передерутся. А если туда добавить философа, они будут терзать философа: дай нам язык понимания. Мне кажется, надо персонифицировать саму тему места гуманитарного знания, ее надо персонифицировать в этих самых людях, гуманитариях, которые живут в этой среде и которые ее создают.

И я, наконец, хочу поднять тему солидарности, с которой мы начали. Мы сюда приехали за тридцать земель не просто чаю попить, а как-то организовать общение. Если будут вот такого рода установки на общение, то у нас все будет хорошо.

Р. Спасибо большое. Уважаемые коллеги, Михаил Борисович представил нам свою точку зрения. Напоминаю, у нас с вами круглый стол, это не односторонняя связь, а коммуникация. Пожалуйста, вопросы на прояснение позиций, на уточнение каких-то моментов, может быть, вопросы-размышления.

Вальдман. Мне было приятно услышать Михаила Борисовича, его интересное содержательное выступление, которое касается не каких-то административных вопросов, технических, а сути дела. И вот я хотел бы спросить: как Вы считаете, может быть, имеет смысл вслед за Бурдые рассмотреть образовательную систему как систему символической власти? Ведь преподавательская деятельность, к какому бы предмету преподавания она ни относилась, остается иерархизирующей. Это квалификационная власть. Это китайским опытом можно назвать. Где иерархизация, в отличие от прочих, связана с базовым интеллектуальным содержанием, и в этой связи оно гуманитарно по самой своей сути, потому как любая тематическая деятельность должна выходить в эту самую социальную иерархизированную плоскость. И именно спе-

цифическая гуманитарная рефлексия должна быть представлена здесь. Более того, она внедрена в саму ткань образовательного вузовского процесса. Отсюда вопрос на уточнение позиции гуманитарного образования и соответствующих его инструментов.

С. Я ведь это просто сейчас придумал, а вы уже предлагаете средства осмысления. Например, можно это в терминах Бурдые рассказать. Это будет симпатично.

Д. То есть определить специфику капитала, который накапливает преподаватель, чем он отличается от чисто профессионального в специальности, и добавить еще вот эту очень важную составляющую.

Р. Профессор Тамара Антоновна Рубанцова, пожалуйста.

Рубанцова. Вы знаете, Михаил Борисович, у меня вот такой простой, но коварный вопрос, на который я и сама ищу ответ. Я защищалась по гуманитаризации технического образования давным-давно, и тогда, в советский период, гуманитарные кафедры несли идеологическую, политическую функцию. Сейчас ситуация изменилась, и опять мы в какой-то ситуации изгиба, в ситуации оправдания, опять мы чем-то не угодили власти. Как вы считаете, что происходит в этом пространстве, образовательном или политическом, может быть? Почему мы всегда оправдываемся?

С. Действительно, загадка. Понимаете, в 1991 году дискурс гуманитаризации, гуманитаризации присутствовал во всех документах, включая «Закон об образовании». Потом его как бы повторяли по инерции, а последнее время о нем вообще забыли. Новое поколение, выросшее за эти 20 лет, таких слов просто не знает.

В. Уже не за то оправдываются.

С. Это, конечно, шутка. На самом деле – чего оправдываться, мы же все вот в

этих сборниках, которые я принес, написали, там все это обосновано. В итоге все выливается в борьбу за часы. Это во-первых, а во-вторых, это тоже относится к природе современного образования. Понимаете, мы традиционно под фундаментальным образованием понимаем физику. Чем больше физики и математики, тем более фундаментально. Но, может быть, в современном образовании вообще не нужны, грубо говоря, эти предметные знания в таком объеме? Мы говорили о том, что сейчас настолько все технологично, что, собственно говоря, и инженеру не нужно знать, как нечто устроено, чтобы пользоваться. И зачем мне нужна вся эта физика? Я более чем уверен, что фундаментальность знания, любого знания, и гуманитарного в том числе, вообще не связана с суммой знаний, она связана с тем, на чем держится это знание. А держится оно на каких-то структурах личности. То есть центральными являются проблемы личности, понимания, бытия. Все это категории одного порядка, описываемые метафизикой. Если есть фундамент, знание накладывается на него. Как говорил Мамардашвили: если ты уже не знаешь, ты не будешь знать никогда. Я, например, химию знаю, математику люблю, а вот физику вообще никогда не понимал. Не посчастливилось мне понять что-то такое в школе – и все. Для меня вот эти законы, задачи – они непонимательные. А вот если, скажем, в математике что-то соображаю или в биологии, то там этот понимательный слой каким-то образом сложился. На него это нечто – предметное содержание – накладывается. То же и в философии: если ты изначально не понимаешь, то читай-не читай – Канта или Гегеля или, не дай Бог, Дерриду вообще никогда не поймешь.

Кстати говоря, в 1990-е годы напереводили французов. Очень сложные, мягко говоря, получились переводы, где вообще трудно что-либо понять. Может быть, сами переводчики не поняли, что переводят?

Руб. Технически перевели.

С. Технически, да. Что это, гуманитаризация? Мы можем без этого слова обойтись, но я еще раз повторяю: если физика или технаря мы не воспитаем как Человека, как мыслящего, как когито в декартовском смысле, то есть понимающего, то мы никуда не продвинемся.

Р. Время все-таки неумолимо движется вперед, поэтому есть предложение – еще один вопрос. Немцев Михаил, кандидат философских наук, – ваш вопрос.

Немцев. У меня очень короткий вопрос. А может быть, это продуктивно – оторвать ценности гуманитарных дисциплин, гуманитарного образования от технических дисциплин? Вот лично мой небольшой опыт общения с физиками. У меня друзья детства – физики, в Академгородке живут, показывают очень неплохое знание предмета, а говорить просто не о чем. Для этого надо иметь такой опыт, а он мало у кого есть вообще, но самое главное – физикам нужен посредник, медиатор, а не философ, чтобы они могли между собой договориться. Гуманитарное образование восходит к традиции преподавания *liberal arts*, к идеалам образованности, к развитию личности и так далее, и предметное содержание, то есть профессиональное образование, с этим напрямую может быть и не связано. Иначе говоря, какая разница, кем он будет на выходе – инженером по теплосетям или ядерным двигателем? То, что вы ему рассказываете, ему понадобится в жизни взрослого человека вне зависимости даже от того, будет

он в науке или не будет. Может быть, не стоит привязывать вообще работу со студентами к их профессиональному образованию?

Р. ГОСы третьего поколения стараются это сделать. Они все сводят к компетенциям.

Н. ГОСы это делают механически, а я имею в виду цели и основания этой деятельности. Органически, а не механически.

С. Я ведь когда говорил о философе, не имел в виду, что он является посредником, каким-то навигатором в этих самых дискуссиях. Речь вообще идет не о предметном содержании. Трудно сказать, что за функцию он там несет. Зачем появился Институт человека? Там собираются гуманитарии, биологи, физики, математики и говорят о человеке. Что они хотят выработать? Знание какое-то комплексное о человеке или что? Вот, например, у Вадима Рабиновича есть такая мысль, что они там занимаются не склеиванием предметных картинок, а просто сидят и друг друга любят. Алхимия! Понимаете, они понимают друг друга поверх предметности, а потом, когда они вышли из аудитории, когда обсудили какую-то проблему экзистенциальную, они это понимание будут истолковывать на своем языке. А потому не нужно быть физиком или хорошо знать квантовую механику, для того чтобы говорить со специалистом в этой области.

Р. О любви?

С. Практиковать любовь, которая основана на понимании. Например, обсудить отношение Эйнштейна к квантовой теории. У меня в университете была такая тема диплома – «Взаимоотношение лоренцевой электродинамики и СТО Эйнштейна». Аппарат математический один тот же, а картинки – разные. Одна релятивистская, другая классическая, две парадигмы, две исследовательские программы. Как это возможно? Так, простите, вот эта лоренцева картина мира до 1950-х годов в Союзе защищалась. Она, может быть, и сейчас жива, так что дискуссия вроде бы продолжается.

А. Ну, тогда и Шредингера надо обсуждать.

С. Да. С одной стороны, мы зафиксировали, что акты понимания совершаются поверх предметного содержания. С другой – все-таки, видимо, философ науки тоже может участвовать наравне в спорах физиков, а именно – на каком-то метафизическом, метатеоретическом уровне. Есть знание, которое не принадлежит физике, но оно не принадлежит и философу, оно носит межпредметный характер. Может быть, есть и такое знание. Но таких людей сегодня не готовят. У нас на философском факультете МГУ в 1970-е годы готовили специалистов в области философских проблем науки, сейчас их не готовят.

Р. Михаил Борисович, большое Вам спасибо за комментарии и ответы.